

ОКЛЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

СО Д Е Р Ж А Н И Е

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ,
РАССКАЗЫ

Я. ШВЕДОВ
Л. КОПЫЛОВА
А. ПЛАТОНОВ
М. ШАГИНЯН
А. ГАЙДАР

С Т И Х И

И. САДОФЬЕВ
В. СОЛОВЬЕВ
Г. ФИШ
Б. СОЛОВЬЕВ
В. ЭРЛИХ

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ

К. ЗЕЛИНСКИЙ
И. ГРОССМАН-РОЩИН

ОЧЕРКИ, ФЕЛЬЕТОНЫ

А. ИСБАХ
А. КАРАБАЕВА
Н. КОЧИН
А. СТЕПНАЯ

К Р И Т И К А

В. ЕРМИЛОВ
Л. МЫШКОВСКАЯ
А. ТРОЩЕНКО

БИБЛИОГРАФИЯ

К Н И Г А
Ш Е С Т А Я

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

2

9

● О К Т Я Б Р Ъ ●

РАЗОШЛИСЬ ПОЛНОСТЬЮ

ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1929 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ

с № 6 по № 12, которые по содержанию будут представлять собой законченное целое.

★ ★

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

с № 6 по № 12 (за 7 книг)—7 руб. 50 коп.

★ ★

ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА:

при подписке — 2 рубля, наложенным платежом с № 7—3 руб. и с № 9—2 руб. 50 коп.

★ ★

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Издательством «Московский Рабочий» (Москва, Центр, Кузнецкий Мост, 7), его отделениями и уполномоченными, всеми почтово-телеграфными конторами, отделениями газеты «Известия ЦИК» и всеми киосками Контрагентства печати.

Содержание №№ 6 — 12 см. на 4-й странице обложки.

ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МОСКОВСКОЙ
АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ

К Н И Г А
Ш Е С Т А Я
И Ю Н Ъ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1929

Мосгублит № 45.328. З. Т. 1309. Тираж 10.000.

Отпечатано в 7-й типографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
МОСПОЛИГРАФА.
МОСКВА,
Арбат,
Филипп.
13.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЖИТЕЛЬ

РАССКАЗ

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

ПОЖИЛОЙ человек любил транспорт наравне с кооперативами и перспективой будущего строительства. Утром он закусывал вчерашней мелочью и выходил наблюдать и наслаждаться. Сначала он посещал вокзал, преимущественно товарные платформы прибытия грузов, и там был рад накоплению товаров. Паровоз, сопя гущей своих мирных сил, медленно осаживал вагоны, полные общественных вещей: бутылей с серной кислотой, бугров веревок, учрежденской клади и необозначенных мешков с чем-то полезным. Пожилой человек, по имени Петр Евсеевич Веретенников, был доволен, что их город снабжается, и шел на платформу отправления посмотреть, уходят ли оттуда поезда в даль Республики, где люди работают и ожидают грузов. Поезда уходили со сжатыми рессорами, — столько везли они необходимой тяжести. Это тоже удовлетворяло Петра Евсеича, — тамшние люди, которым назначались товары, будут обеспечены.

Невдалеке от станции строился поселок жилищ. Петр Евсеевич ежедневно следил за ростом сооружений, потому что в теплоте их кровя приютятся тысячи трудящихся семейств и в мире после их поселения станет честней и счастливей. Покидал строительство Петр Евсеевич уже растроганным человеком — от вида труда и материала. Все это заготовленное добро посредством усердия товарищеского труда вскоре обратится в прочный уют от вреда осенней и зимней погоды, чтобы самое содержание государства, в форме его населения, было цело и покойно.

На дальнейшем пути Петра Евсеевича находился небольшой, уже использованный сельской общественностью лес, лишь изредка обогащенный строевыми, хотя и ветшающими соснами. В межевой канаве того малого леса спал землемер; он был еще не старый, но изжитый, видимо, ослабевший от землеустройства человек. Рот его отворился в изнеможении сна, и жизненный тревожный воздух смоляной сосны входил в глубину тела землемера и оздоравлил его там, чтобы тело вновь было способно к землеустройству пахарей хлеба. Человек отдыхал и наполнялся счастьем попутного покоя; его инструменты — теодолит и мерная лента — лежали в траве, их спешно обследовали муравьи и сухой паучок, проживающий от скудости всегда одинолично. Петр Евсеевич нарвал травы среди ее канавного скопища, оформил

ту траву в некую мякоть и подложил ее под спящую голову землеустроителя, осторожно побеспокоив его, чтоб получилось удобство. Землемер не проснулся, — он лишь простонал что-то, как жалобная сирота, и вновь опустился в сон. Но отдыхать на мягкой траве ему уже было лучше. Он глубже поспит и точнее измерит землю, — с этим чувством своего полезного участия Петр Евсеевич пошел к следующим делам.

Лес быстро прекращался, и земля из-под деревьев переходила в овражные ущербы и в еще несверстанную чересполосицу ржаных наделов. А за рожью жили простые деревни, и над ним — воздух из жуткого пространства, Петр Евсеевич считал и воздух благом, — оттуда поставлялось дыхание на всю площадь государства. Однако безветренные дни его беспокоили: крестьянам нечем молоть зерно, и над городом застаивается зараженный воздух, ухудшая санитарное условие. Но свое беспокойство Петр Евсеевич терпел не в качестве страдания, а в качестве заботливой нужды, занимающей своим смыслом всю душу и делающей поэтому неощутимой собственную тяжесть жизни. Сейчас Петр Евсеевич несколько волновался за паровоз, который с резкой задыхающейся отсечкой пара, доходившей до напряженных чувств Петра Евсеича, взволакивал какие-то грубые грузы на под'ем. Петр Евсеевич остановился и с сочувствием помощи вообразил мучение машины, гнетущей вперед и на гору косность осадистого веса.

— Лишь бы что не лопнуло на сцепках, — прошептал Петр Евсеевич, сжимая зубы меж зудящих десен. — И лишь бы огню хватило, — ведь он там воду жжет! Пусть потерпит, теперь недалеко осталось...

Паровоз со скрежетом бандажей пробуксовывал под'ем, но не сдавался влипающему в рельсы составу. Вдруг паровоз тревожно и часто загудел, прося сквозного прохода: очевидно, был закрыт семафор; машинист боялся, что, остановившись, он затем не возьмет поезда в упор под'ема.

«И что это делается, господи боже мой!» — горестно поник Петр Евсеевич и энергично отправился на вокзал — рассмотреть происшествие.

Паровоз дал три свистка, что означает остановку, а на вокзале Петр Евсеевич застал полное спокойствие. Он сел в зале третьего класса и начал мучиться: «Где же тут государство? — думал Петр Евсеевич. — Где же тут находится автоматический порядок?»

— Щепотко! — крикнул дежурный агент движения составителю поездов. — Пропускай пятьдесят первый на восьмую. Сделай механику и главному отметку, что нас транзитом забили. Ты растаскал там цистерны?

— Так точно! — ответил Щепотко. — Больше пока ничего не принимайте, — мне ставить некуда. Надо пятьдесят первый сработать.

«Теперь мне вполне понятно, — успокоился Петр Евсеич. — Государство тут есть, потому что здесь забота. Только надо населению

сказать, чтоб оно тише существовало, иначе машины лопнут от его потребностей».

С удовлетворенным огорчением Петр Евсеевич покинул железнодорожный узел, чтобы посетить ближнюю деревню, под названием Козьма.

В той Козьме жило двадцать четыре двора. Дворы расположились по склонам действующего оврага и уже семьдесят лет терпели такое состояние. Кроме оврага, деревню мучила жажда, а от жажды люди ели плохо и не размножались как следует. В Козьме не было свежей и утоляющей воды, — имелся небольшой пруд среди деревни, внизу оврага, но у этого пруда плотина была насыпана из навоза, а вода поступала из-под жилья и с дворовых хозяйственных мест. Весь навоз и мертвые остатки человеческой жизни смывались в ложбину пруда и там отстаивались в желто-коричневый вязкий суп, который не мог служить утоляющей влагой. Во время общегражданских заболеваний, а именно холеры, тифа или урожая редкого хлеба, потому что в здешней почве было мало тучного добра, — люди в Козьме ложились на теплые печи и там кончались, следя глазами за мухами и тараканами. В старину, говорят, в Козьме было до ста дворов, но теперь нет следов прошлой густоты населения. Растительные кущи покрыли обжитые места вымороченных усадеб, и под теми кущами нет ни гари, ни плешин от кирпича или извести. Петр Евсеевич уже рылся там, — он не верил, чтобы государство могло уменьшиться, он чувствовал размножающуюся силу порядка и социальности, он всюду наблюдал автоматический рост государственного счастья.

Крестьяне, проживающие в Козьме, уважали Петра Евсеевича за подачу им надежды и правильно полагали, что их нужду в питье должна знать вся Республика, а Петр Евсеевич в том их поддерживал:

— Питье тебе предоставят, — обещал он. — У нас же государство. Справедливость происходит автоматически, тем более питье! Что это — кожная болезнь, что ли? Это внутреннее дело, — каждому гражданину вода нужна наравне с разумом!

— Ну, еще бы! — подтверждали в Козьме. — Мы у советской власти по водяному делу на первой заметке стоим. Черед дойдет — и напьемся! Аль мы не пили ороду? Как в город поедешь, так и пьешь.

— Совершенно верно, — определял Петр Евсеевич. — Да еще и то надо добавочно оценить, что при жажде жизнь идет суше и скупее, ее от томления больше чувствуешь.

— От нее без воды деться некуда, — соглашались крестьяне. — Живешь — будто головешку из костра проглотил.

— Это так лишь мнительно кажется, — объяснял Петр Евсеевич. — Многое покажется, когда человеку есть желание пить. Солнце тоже видится тебе и нам жарой и силой, а его паром из самовара можно зазастить и потушить — сразу на скатерти холод настанет. Это только тебе и нам так воображается в середине ума...

Петр Евсеевич себя и государство всегда называл на «вы», а население на «ты», не сознавая, в чем тут расчет, поскольку население постоянно существует при государстве и обеспечивается им необходимой жизнью.

Обычно в Козьме Петру Евсеичу предлагали чего-нибудь поесть — не из доброты и обилия, а из чувства безопасности. Но Петр Евсеич никогда не кушал чужой пищи: ведь хлеб растет на душевом наделе, и лишь на одну душу, а не на две, — так что есть Петру Евсеичу было не из чего. Солнце — оно тоже горит скупой и социально: более чем на одного трудящегося едока оно хлеба не нагревает, стало быть вкушающих гостей в государстве быть не должно.

Среди лета деревня Козьма, как и все сельские местности, болела поносом, потому что поспевали ягоды в кустах и огородная зелень. Эти плоды доводили желудки до нервности, чему способствовала водяная гуща из пруда. В предупреждение этого общественного страдания козминские комсомольцы ежегодно начинали рыть колодцы, но истощались мощью непроходимых песков и ложились на землю в тоске тщетного труда.

— Как это вы все делаете без увязки? — сам удручался и комсомольцев упрекал Петр Евсеевич. — Ведь тут грунт государственный, государство вам и колодезь даст — ждите автоматически, а пока пейте дожди! Ваше дело — пахота почвы в границах надела.

Покидал Козьму Петр Евсеевич с некоторой скорбью, что нет у граждан воды, но и со счастьем ожидания, что, стало быть, сюда должны двигаться государственные силы и он их увидит на пути. Кроме того, Петр Евсеевич любил для испытания ослабить свой душевный покой посредством и организации малого сомнения. Это малое сомнение в государстве Петр Евсеевич выносил с собой из Козьмы вследствие безводия деревни. Дома Петр Евсеевич вынимал старую карту Австро-Венгрии и долгое время рассматривал ее в спокойном созерцании; ему дорога была не Австро-Венгрия, а очерченные границами живое государство, некий огороженный и защищенный смысл гражданской жизни. Под картиной севастопольского сражения, которая украшала теплое, устойчивое жилище Петра Евсеича, висела популярная карта единого Советского Союза. Здесь Петр Евсеевич наблюдал уже более озабоченно: его беспокоила незыблемость линии границ. Но что такое граница? Это замерший фронт живого и верного войска, за спиною которого мирно вздыхает согбенный труд.

В труде есть смирение расточаемой жизни, но зато эта истраченная жизнь скопляется в виде государства — и его надо любить нераздельной любовью, потому что именно в государстве неприкосновенно хранится жизнь живущих и погибших людей. Здания, сады и железные дороги — что это иное, как не запечатленная надолго кратковременная трудовая жизнь? Поэтому Петр Евсеевич правильно полагал, что сочувствовать надо не проходящим гражданам, но их делу, за-

твердевшему в образе государства. Тем более необходимо было беречь всякий труд, обратившийся в общее тело государства.

«Нет ли птиц на просе? — с волнением вспоминал Петр Евсеевич. — Поклюют молодые зернышки, чем тогда кормиться населению?»

Петр Евсеевич поспешно удалялся на просяное поле и, действительно, заставлял там питающихся птиц.

«И что же это делается, господи боже ты мой? Что ж тут цело будет, раз никакому добру покоя нет? Замучили меня эти стихии — то дожди, то жажда, то воробьи, то поезда останавливаются! Как государство-то живет против этого? А люди еще обижаются на страну: разве они граждане? Они потомки орды!»

Согнав птиц с проса, Петр Евсеевич замечал под ногами ослабевшего червя, не сумевшего уйти вслед за влагой в глубину земли.

«Этот еще тоже существует — почву гложет! — сердился Петр Евсеевич. — Без него ведь никак в государстве не обойдешься! — и Петр Евсеевич давил червя на-смерть: пусть он теперь живет в вечности, а не в истории человечества, здесь и так тесно».

В начале ночи Петр Евсеевич возвращался на свою квартиру. Воробьи тоже теперь угомонились и жрать на просо не придут; а за ночь зернышки в колосьях более созреют и окрепнут — завтра их выклевать будет уже трудней. С этим успокоительным размышлением Петр Евсеевич под'едал крошки утреннего завтрака и преклонял голову ко сну, но заснуть никак не мог; ему начинало что-нибудь чудиться и представляться; он прислушивался — и слышал движение мышей в кооперативах, а сторожа сидят в чайных и следят за действием радио, не доверяя ему от радости; где-нибудь в редко посещаемой степи кулаки сейчас гонятся за селькором, и одинокий государственный человек падает без сил от ударов толстой силы, подобно тому как от неуравновешенной бури замертво ложится на полях хлеб жизни.

Но память милосердна — Петр Евсеевич вспомнил, что близ Урала или в Сибири — он читал в газете — начат возведением мощный завод сложных молотилок, и на этом воспоминании Петр Евсеевич потерял сознание.

А утром мимо его окон проходили на работу старики-кровельщики, нес материал на плече стекольщик, и кооперативная телега везла говядину; Петр Евсеевич сидел, как бы пригорюнившись, но сам наслаждался тишиной государства и манерами трудящихся людей. Вон пошел в потребительскую пекарню смирный, молчаливый старичишка Терморезов; он ежедневно покупает себе на завтрак булочку, а затем уходит трудиться в сарай Копромсоюза, где изготавливаются веревки из пеньки для нужд крестьянства.

Разутая девочка тянула за веревку козла — пастись на задних дворах; лицо козла, с бородкой и желтыми глазами, походило на

дьявола, однако его допускали есть траву на территории, значит козел был тоже важен.

«Пускай и козел будет, — думал Петр Евсеевич. — Его можно считать младшим бычком».

Дверь в жилище отворилась и явился знакомый крестьянин — Леонид из Козьмы.

— Здравствуй, Петр Евсеич — сказал Леонид. — Вчерашний день тебе бы у нас обождать, а ты поспешил на квартиру...

Петр Евсеевич озадачился и почувствовал испуг.

— А что такое вышло? А? Деревня-то цела, на месте? Я видел, как один нищий окурочек бросал, не спалил ли он имущество?..

— От окурка-то деревня вполне сохранилась... А — только что ты вышел — с другого конца два воза едут, а сзади экипаж и в нем старик. Старик говорит: «Граждане, а не нужна ли вам глубокая вода?» Мы говорим: «Нужна, только достать ее у нас мочи нет». А старик сообщает: «Ладно, я — профессор от государства и вам достану воду из материнского пласта». Старик поночевал и уехал, а два техника с инструментом остались и начали почву шупать внутрь. Теперь мы, Петр Евсеевич, считай, будем с питьем. За это я тебе корчажку молока завез: если б не ты, мы либо рыли зря, либо не пивши сидели, а ты ходил и говорил: ждите движения государства, оно все предвидит. Так и вышло. Пей, Петр Евсеич, за это наше молоко...

Петр Евсеевич сидел в разочаровании, он опять пропустил мимо себя живое государство и не заметил его чистого первоначального действия.

— Вот, — сказал он Леониду. — Вот оно приехало и выбыло. Из сухого места воду вам добудет, вот что значит оно!

— Кто же это такое? — тихо спросил Леонид.

— Кто! — отвлеченно произнес Петр Евсеевич. — Я сам не знаю кто, я только его обожаю в своем помышлении, потому что я и ты — лишь население. Теперь я все вижу, Леонид, и замру в надежде. Пускай птицы клюют просо, пускай сторожа в кооперативе на радио глядят, а мыши кушают добро, — государство внезапно грянет и туда, а нам надо жить и терпеть.

— Это верно, Петр Евсеич, всегда до хорошего дотерпишься, когда ничего не трогаешь.

— Вот именно, Леонид! — согласился Петр Евсеевич. — Без государства ты бы молочка от коровы не пил.

— А куда ж оно делось бы? — озаботился Леонид.

— Кто ж его знает, куда! Может и трава бы не росла.

— А что ж было бы?

— Почва, Леонид, главное дело — почва! А почва ведь и есть государственная территория, а территории тогда бы и не имелось! Где ж бы твоей траве поспеть было? В неизвестном месте она не растет — ей требуется территория и землеустройство. В африканской Сахаре вон

нету государства, и в Ледовитом океане нет, от этого там и не растет ничего: песок, жара да мертвые льды!

— Позор таким местам! — твердо ответил Леонид и сразу смолк, а потом добавил обыкновенным человеческим голосом: — Приходи к нам, Петр Евсеевич, без тебя нам кого-то нехватает.

— Были бы вы строгими гражданами, тогда бы вам всего хватило, — сказал Петр Евсеевич.

Леонид вспомнил, что воды в Козьме еще нет и напился из ведра Петра Евсеевича в запас желудка.

После отъезда крестьянина Петр Евсеевич попробовал подаренного молока и пошел ходить среди города. Он щупал на ходу кирпич домов, гладил заборы, а то, что недостижимо ощущению, благодарно созерцал. Быть может люди, что творили эти кирпичи и заборы, уже умерли от старости и от истощения труда, но зато от их тела остались кирпичи и доски — предметы, которые составляют сумму и вещество государства. Петр Евсеевич давно открыл для своей радости, что государство — полезное дело погибшего, а также живущего, но трудящегося населения; без произведения государства население умирало бы бессмысленно.

В конце пути Петр Евсеевич нечаянно зашел на вокзал, — он не особо доверял железной дороге, слыша оттуда тревожные гудки паровозов. И сразу же Петр Евсеевич возмутился: в зале третьего класса один мальчик топил печку казенными дровами, несмотря на лето.

— Ты что, гадина, топливо жгешь? — спросил Петр Евсеевич.

Мальчик не обиделся, он привык к своей жизни.

— Мне велели, — сказал он. — Я за это на станции ночую.

Петр Евсеевич не мог подумать, в чем тут дело, отчего летом требуется нагреть печей. Здесь сам мальчик помог Петру Евсеевичу рассеяться от недоразумения: на станции были залежи гнилых шпал. Чтобы их не вывозить, велено было сжечь в печках помещений, а тепло выпустить в двери.

— Дай мне, дядь, копейки две! — попросил после рассказа мальчик.

Просил он со стыдом, но без уважения к Петру Евсеевичу. Для Петра же Евсеевича дело было не в двух копейках, а в месте, которое занимал этот мальчик в государстве: необходим ли он? Такая мысль уже начинала мучить Петра Евсеевича. Мальчик неохотно сообщил ему, что в деревне у него живут мать и сестры-девки, а едят одну картошку. Мать ему сказала: «Поезжай куда-нибудь, может быть ты себе жизнь где-нибудь найдешь. Что ж ты будешь с нами страдать, — я ведь тебя люблю». Она дала сыну кусок хлеба, который заняла на хуторах, а, должно быть, врет — ходила побираться. Мальчик взял хлеб, вышел на разъезд и залез в пустой вагон. С тех пор он и ездит: был в Ленинграде, в Твери, в Москве и Торжке, а теперь — тут. Нигде ему не дают работы, говоря; в нем силы мало и без него много круглых сирот.

— Что ж ты будешь делать теперь? — спрашивал его Петр Евсеевич. — Тебе надо жить и ожидать, пока государство на тебя оглянется.

— Ждать нельзя, — ответил мальчик. — Скоро зима настанет, я боюсь тогда умереть. Летом и то помирают. Я в Лихославле видел, — один в ящик с сором лег спать и там умер.

— А к матери ты не хочешь ехать?

— Нет. Там есть нечего, сестер много, — они рябые, их мужики замуж не берут.

— Что ж им своевременно оспу не привили? Ведь фельдшера на казенный счет ее прививают?

— Не знаю, — сказал мальчик равнодушно.

— Ты вот не знаешь, — раздраженно заявил Петр Евсеевич, — а вот теперь о тебе заботься! Во всем виновато твое семейство: государство ведь бесплатно прививает оспу. Привили бы ее твоим сестрам, когда нужно было, и сестры бы замужем давно были и тебе бы место дома нашлось! А раз вы не хотите жить по государству, — вот и ходите по железным дорогам. Сами вы во всем виноваты — так походи матери и скажи! Какие же я тебе две копейки после этого дам? Никогда не дам! Надо, гражданин, оспу во-время прививать, чтоб потом не шататься по путям и не ездить бесплатно в поездах!

Мальчик молчал. Петр Евсеевич оставил его одного, не жалея больше виноватого.

Домашний юн нашел повестку: явиться завтрашний день на биржу труда для очередной перерегистрации, — там Петр Евсеевич состоял безработным по союзу совторгслужащих и любил туда являться, чувствуя себя служащим государству в этом учреждении.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Я. ШВЕДОВ.— Обиды. <i>Повесть</i>	3
Л. КОПЫЛОВА.— Розовый хутор. <i>Рассказ</i>	51
ИЛЬЯ САДОФЬЕВ.— Моя земля. <i>Стих.</i>	62
В. СОЛОВЬЕВ.— Аэробег. <i>Стих.</i>	64
Г. ФИШ.— Весна. <i>Стих.</i>	66
Б. СОЛОВЬЕВ.— Этот мир. <i>Стих.</i>	67
В. ЭРЛИХ.— Эпос. <i>Стих.</i>	68
АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ.— Государственный житель. <i>Рассказ</i> .	70
МАРИЭТТА ШАГИНЯН.— Восхождение на Алагез (<i>окончание</i>)	78

П Е Р Е Ж И Т О Е

А. ГАЙДАР.— Обыкновенная биография. <i>Повесть (продолжение)</i>	95
--	----

Ж И З Н Ъ Н А Х О Д У

А. ИСБАХ.— Горячие будни	124
А. КАРАВАЕВА.— Смена путей (<i>окончание</i>)	133
Н. КОЧИН.— Записки селькора (<i>окончание</i>)	153
А. СТЕПНАЯ.— Столица культурной революции	169

З А П И С К И П И С А Т Е Л Я

К. ЗЕЛИНСКИЙ.— БОД	182
И. ГРОССМАН-РОЩИН.— Открытое письмо-поручение Кор- нелию Зелинскому	188

Ж Р И Т И К А

В. ЕРМИЛОВ.— Гармонический обыватель	195
Л. МЫШКОВСКАЯ.— Молодой Чехов	221

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Е. ТРОЩЕНКО.— «Б. Губер — Простая причина».	
Ширяев — «Гульба», Борис Лапин — «Повести о стране	
Памир», Аркадий Ситковский — «Избранник» (стихи),	
Леонард Франк — «Оксенфуртский мужской квартет» . . .	229—238
Список книг, поступивших на отзыв	239

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 2-е ПОЛУГОДИЕ 1929 г.

Общедоступное литературно-художественное издание

РОМАН-ГАЗЕТА

Выходит 2 раза в месяц.

ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ широким слоям населения читать художественную литературу.

В КАЖДОМ ВЫПУСКЕ законченный роман или повесть русского или иностранного писателя.

ЦЕНА ОТД. №

25 КОП.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
год—5 руб., 6 мес.—2 руб.
50 коп., на 3 мес.—1 руб.
25 коп.

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КРАСОЧНЫЙ ЖУРНАЛ

БЕЗБОЖНИК У СТАНКА

Выходит 2 раза в месяц.

В 1929 году каждый номер содержит 24 страницы большого формата.

Текст сопровождается многочисленными красочными рисунками художников М. Черемных, Н. Когоута, К. Урбестиса и др.

Художественной частью заведует художник

М. ЧЕРЕМНЫХ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—6 руб., на 6 мес.—3 руб., на 3 мес.—1 руб. 50 коп., на 1 мес.—50 коп.

Общественно-политический журнал

МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК

Двухнедельник ОРГБЮРО ЦК ВЛКСМ—Московской области.

„Молодой Большевик“ орган коммунистического воспитания молодежи.

Последователь. проводник новой системы комсомол работы. Дает богатый опыт конкретного руководства, метода заданий, опыт любителей организаторов, инициативн. групп, „легкой кавалерии“, ударных бригад, переключек, соревнований, конкурсов, организаций досуга.

★

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—3 р. 50 к., 6 м.—1 р. 80 к., 3 м.—90 к.

ПАРТИЙНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СПУТНИК КОММУНИСТА

Орган МК и Оргбюро ЦК ВКП (б)—Москов. области

Выходит два раза в месяц.

Освещает вопросы партстроительства.

Журнал рассчитан на ячейковый партактив секретарей и членов бюро ячеек, парторганизаторов, членов фабзавкомов, партийцев-администраторов и рядовых партийцев-активистов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—5 р., 6 мес.—2 р. 70 к., на 3 мес.—1 р. 40 к.

Рассрочка годовым подписчикам: при подписке—2 р., через 3 мес.—2 р., через 6 мес.—1 руб.

Двухнедельный журнал Орган АППО ЦК и МК

СПУТНИК АГИТАТОРА

(ДЛЯ ГОРОДА)

Спутник агитатора рассчитан на партийца-активиста, агитатора, клубного работника, комсомольского активиста и члена фабзавкома.

Спутник агитатора ставит своей основной задачей помочь партийцу и комсомольцу-активисту в их работе среди масс

★

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—5 р., 6 мес.—2 р. 70 к., на 3 мес.—1 р. 40 к.

Рассрочка годовым подписчикам. При подписке—2 р., через 3 мес.—2 р., через 6 мес.—1 руб.

Двухнедельный журнал Орган АППО ЦК и ВКП (б).

СПУТНИК АГИТАТОРА

(ДЛЯ ДЕРЕВНИ)

Спутник агитатора для деревни ставит своей основной задачей помочь партийцу, комсомольцу и деревенскому обществу в его повседневной практической работе среди крестьянских масс.

★

Подписная цена: на год—3 р., 6 м.—1 р. 80 к., 3 м.—80 к.

ПОДРОБНЫЕ КАТАЛОГИ И ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Изд-вом „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“, Москва, Центр, Кузнецкий М., 7; отд. Изд-ва „Московский Рабочий“ (Ленинград, просп. Володарского, 53а, Самара, Ленинградская, 37, Воронеж, просп. Революции, 32), всеми уполномоченными, снабжен. соответствующ. удостоверен. всеми почтовыми конторами и письменносцами, отделениями „Известий ВЦИК“ и киосками Контрагентства Печати.